

Алексей Широпаев

МОГИЛА НЕИЗВЕСТНОГО НАСИЛЬНИКА

«История, точнее – история, с которой мы соприкасаемся, похожа на засоренный клозет. Промываешь его, промываешь, а дерьмо все равно всплывает наверх».

Гюнтер Грасс, «Траектория краба».

В октябре 1944 года красная армия вторглась в Восточную Пруссию. Впервые за годы войны советский солдат ступил на немецкую землю. На границе его уже встречал науськивающий плакат, возможно, сочиненный самим Ильей Эренбургом: «ВОТ ОНА, ПРОКЛЯТАЯ ГЕРМАНИЯ!». Для пущей наглядности плакат был увенчан огромным фанерным указующим перстом, обращенным в сторону ненавистного запада.

Вся красная армия хорошо помнила пламенные строки товарища Эренбурга, разошедшиеся миллионными тиражами: «...Мы поняли: немцы не люди. Отныне слово «немец» для нас самое страшное проклятье. Отныне слово «немец» разряжает ружье. Не будем говорить. Не будем возмущаться. Будем убивать. Если ты не убил за день хотя бы одного немца, твой день пропал. Если ты думаешь, что за тебя немца убьет твой сосед, ты не понял угрозы. Если ты не убьешь немца, немец убьет тебя. Он возьмет твоих и будет мучить их в своей окаянной Германии. Если ты не можешь убить немца пулей, убей немца штыком. Если на твоём участке затишье, если ты ждешь боя, убей немца до боя. Если ты оставишь немца жить, немец повесит русского человека и опозорит русскую женщину. Если ты убил одного немца, убей другого – нет для нас ничего веселее немецких трупов. Не считай дней. Не считай верст. Считай одно: убитых тобою немцев. Убей немца! – это просит старуха-мать. Убей

немца! это молит тебя дитя. Убей немца! – это кричит родная земля. Не промахнись. Не пропусти. Убей!» («Красная звезда», 24 июля 1942 года).

Осенью 1944-го Эренбург, который, по словам английского корреспондента в Москве Александра Верта, имел «гениальный талант вызывать ненависть к немцам», провозглашал: «Мы на немецкой земле, и в этих словах вся наша надежда: Германию мало разбить, ее нужно добить» («Великий день», 24.10.44). Спустя месяц появился еще один «перл» расовой ненависти: «Нам не нужны белокурые гиены. Мы идем в Германию за другим: за Германией. И этой белокурой ведьме несдобровать» («Белокурая ведьма», 25.11.44).

И вот теперь эта «окаянная», «проклятая», «белокурая» и к тому же столь обустроенная, по-кулацки крепкая Германия, простиралась перед распаленным войной, водкой и пропагандой, до зубов вооруженным совком.

В поэме фронтовика Александра Солженицына «Прусские ночи» метко обрисована эта босяцкая зависть к буржуазному достатку, помноженная на бандитскую «свободу действий»:

«Расступись, земля чужая!
Растворяй свои ворота!
Эта наша удалая
Едет русская пехота!

«По машинам!.. По дороге!
На Европу! – на-вались!»
Враг – ни запахом, ни слухом.
Распушили пухом-духом!
Эх, закатим далеко!..
Только что-то нам дико
И на сердце не легко?
Странно глянуть сыздала,
А вблизи – того дивней:
Непонятная земля,
Всё не так, как у людей,
Не как в Польше, не как дома
Крыши кроют – не соломой,
А сараи – как хоромы!..»

Солженицын хорошо показывает, как в ходе советского наступления нарастает пьяный разгул убийств, насилия, грабежей, поджогов и бессмысленных разрушений, прикрываемый фразеологией о «справедливом историческом возмездии».

«И несётся наша лава
С гиком, свистом, блеском фар -
Кляйн Козлау, Грос Козлау -
Что деревня – то пожар!
Всё в огне! Мычат коровы,
Заперты в горящих хлевах, -

Эх, милаши,
Вы не наши!
Мил мне, братцы, ваш разбойный
Не к добру весёлый вид.
Выбирали мы не сами,
Не по воле этот путь,
Но теперь за поясами
Есть чем по небу пальнуть!».

Итак, красная армия приобретает откровенно «разбойный вид». Проще говоря, дичает. Причем, с высочайшего дозволения. Писатель Лев Копелев, в то время советский майор, очевидец гибели Восточной Пруссии, в своих потрясающих воспоминаниях пишет:

«Да, посылки действительно разрешили. Незадолго до начала зимнего наступления. Каждому солдату предоставлялось право посылать одну или две восьмикилограммовые посылки в месяц. Офицерам вдвое больше и тяжелее.

Это было прямое и недвусмысленное поощрение будущих мародеров, науськивание на грабежи. Что иного мог послать солдат домой? Старые портянки? Остатки пайка?» («Хранить вечно»).

Результаты начальственного поощрения убийц, насильников и грабителей не заставили себя ждать.

«Русские вели себя как дикие животные. Переходя от фермы на ферму, они все пожирали на своем пути. Мука, окорок, консервы – все шло в ход. Продукты вытаскивались из подвалов и разбрасывались по двору. Когда солнце стало припекать – наступала весна – они стали портиться, и ферму пропитал запах разлагающейся пищи...

Часто русские солдаты отрывали от матерей детей и забирали их в лагеря. Многие умерли в дороге. А многие впоследствии дома, зараженные венерическими болезнями, которые дико распространились после нашествия наших «освободителей» (Хорст Герлах. «В сибирских лагерях. Воспоминания немецкого пленного». М., 2006).

Опять слово Льву Копелеву: «К вечеру въехали в Найденбург. В городе было светло от пожаров: горели целые кварталы. И здесь поджигали наши. Городок небольшой. Тротуары обсажены ветвистыми деревьями. На одной из боковых улиц, под узорной оградой палисадника лежал труп старой женщины: разорванное платье, между тощими ногами – обыкновенный городской телефон. Трубку пытались воткнуть в промежность.

Солдаты кучками и поодиночке не спеша ходили из дома в дом, некоторые тащили узлы или чемоданы. Один словоохотливо объяснил, что эта немка – шпионка, ее застукали у телефона, ну и не стали долго чикаться».

Александр Солженицын, в то время капитан красной армии, тоже был тогда в Найденбурге, возможно где-то рядом с майором Копелевым, пытавшимся остановить бесчинства советской военщины (позже за это Копелев «загремит» и они встретятся с Исаичем на «шарашке» в Марфино). Солженицыну тоже есть что сказать об этом восточно-прусском городе: «Херингштрассе, дом 22. Он не сожжен, лишь разграблен, опустошен. Рыдания у стены, наполовину приглушенные: раненая мать, едва живая. Маленькая девочка на матрасе, мёртвая. Сколько их было на нём? Взвод, рота? Девочка, превращённая в женщину, женщина, превращённая в труп... Мать умоляет: «Солдат, убей меня!»».

Эта мольба о смерти как о милости тогда звучала по всей Восточной Пруссии. Лев Копелев вспоминает вокзал в Алленштайне:

«...У пассажирского вагона труп маленькой женщины. Лицо укрыто завернувшимся пальто, ноги, круто согнутые в коленях, распахнуты. Тонкий слой снега и какая-то тряпка едва укрывали застывшее испоганенное тело. Видимо, насильовали скопом и тут же убили, или сама умерла и застыла в последней судороге. Еще несколько трупов – женских и мужских в штатском – у вагонов, на платформах.

Ряд открытых платформ, уставленных большими ящиками. Беляев, шофер, сержант и его спутники раздобыли топоры и ломы. Мы взламываем ящики, а в них главным образом домашний скарб – перины, тюфяки, подушки, одеяла, пальто.

С соседней платформы тихий старушечий голос:

- Зольдат, зольдат!

Между ящиками разной величины гнездо из тюфяков, одеял. В нем старушка, закутанная шарфами, платками, в большом темном капоре, припорошенном снегом. Треугольник бледного сморщенного лица. Большие светлые глаза. Смотрят очень спокойно, разумно и едва ли не приветливо.

- Как вы сюда попали, бабушка? Даже не удивилась немецкой речи.

- Солдат, пожалуйста застрели меня. Пожалуйста, будь так добр.

- Что вы, бабушка! Не бойтесь. С вами ничего дурного не будет.

В который раз повторяю эту стандартную брехню. Ничего хорошего с ней не будет.

- Куда вы ехали? У вас здесь родственники?

- Никого у меня нет. Дочь и внуков вчера убили ваши солдаты. Сына убили на войне раньше. И зятя, наверно, убили. Все убиты. Я не должна жить, я не могу жить...»

А тут же, рядом во всю кипит мародерская работа:

«На всех путях по вагонам рыщут в одиночку и группами такие же, как мы, охотники за трофеями. У кучи приемников сияют красные лампы – генерал, а с ним офицер-адъютант и двое солдат, волокущих чемоданы и тюки. Генерал распоряжается, тычет в воздух палочкой с серебряным набалдашником». (Вот откуда у того же товарища Жукова взялись 7 вагонов с элитной мебелью, множество золотых часов, колец, ожерелий, а также меха, картины, гобелены...).

Обычная уличная сценка тех дней, увековеченная Львом Копелевым:

«Посреди мостовой идут двое: женщина с узелком и сумкой и девочка, вцепившаяся ей в руку. У женщины голова поперек лба перевязана, как бинтом, окровавленным платком. Волосы растрепаны. Девочка лет 13-14, белобрысые косички, заплаканная. Короткое пальтишко; длинные, как у стригунка, ноги, на светлых чулках – кровь. С тротуара их весело окликают солдаты, хохочут. Они обе идут быстро, но то и дело оглядываются, останавливаются. Женщина пытается вернуться, девочка цепляется за нее, тянет в другую сторону.

Подхожу, спрашиваю. Женщина бросается ко мне с плачем.

- О, господин офицер, господин комиссар! Пожалуйста, ради Бога... Мой мальчик остался дома, он совсем маленький, ему только одиннадцать лет. А солдаты прогнали нас, не пускают, били, изнасиловали... И дочку, ей только 13. Ее – двое, такое несчастье. А меня очень много. Такое несчастье. Нас били, и мальчика били, ради Бога, помогите... Нас прогнали, он там лежит, в доме, он еще живой... Вот она боится... Нас прогнали. Хотели стрелять. Она не хочет идти за братом...

Девочка, всхлипывая:

- Мама, он все равно уже мертвый...».

Американский историк-ревизионист Вильям Пирс пишет о Восточной Пруссии января 1945-го:

«Когда советские воинские части перехватывали колонны бегущих на запад немецких беженцев, то они творили такое, чего в Европе не видели со времён нашествия монголов в Средние века. Всех мужчин – большинство из которых были крестьяне или немцы, занятые в жизненно важных профессиях, и таким образом, освобожденные от воинской службы, – обычно просто убивали на месте. Всех женщин, почти без исключений, подвергали групповому изнасилованию. Такова была участь и восьмилетних девочек, и восьмидесятилетних старух, и женщин на последних стадиях беременности. Женщинам, которые сопротивлялись изнасилованиям, перерезали горло, или застреливали. Часто, после группового изнасилования, женщин убивали. Многих женщин и девочек насиловали по столько много раз, что они от одного этого погибали.

Иногда советские танковые колонны просто давили гусеницами спасающихся беженцев. Когда части Советской Армии занимали населённые пункты Восточной Пруссии, то они начинали такую бестиальную, звериную оргию пыток, изнасилований и убийств, что это не представляется возможным описать в полной мере в этой статье. Иногда они кастрировали мужчин и мальчиков, перед тем как убить их. Иногда они выдавливали им глаза. Иногда они сжигали их заживо (в любом подростке-блондине могли заподозрить эсэсовца со всеми вытекающими последствиями – А.Ш.). Некоторых женщин, после группового изнасилования, распинали, прибив их ещё живых к дверям амбаров, а затем используя их в качестве мишеней для стрельбы» («Ревизионистская история: взгляд справа», М., 2003, стр. 61).

[На фото: Восточная Пруссия. Убитые немецкие дети.](#)

Именно гражданские Восточной Пруссии, прежде всего женщины, дети и старики, в ужасе бежавшие от пьяных сталинских орд, составили абсолютное большинство пассажиров печально знаменитого лайнера «Вильгельм Густлофф», который был потоплен 30 января 1945 года советской подлодкой под командованием пресловутого Маринеско. Из более чем 10 тысяч человек, находившихся на борту лайнера, по разным оценкам погибло от 7 до 9 тысяч (напомню, стоял 18-градусный мороз, в море плавали льдины). Гибель «Вильгельма Густлофф» стала крупнейшей морской катастрофой в истории (подробнее об этом – в известном романе Гюнтера Грасса [«Траектория краба»](#)).

Однако вернемся на сушу. Фронтовик [Леонид Рабичев](#) (тогда – старлей-связист) сделал убийственную зарисовку того, что видел лично:

«Да, это было пять месяцев назад, когда войска наши в Восточной Пруссии настигли эвакуирующееся из Гольдапа, Инстербурга и других оставляемых немецкой армией городов гражданское население. На повозках и машинах, пешком старики, женщины, дети, большие патриархальные семьи медленно по всем дорогам и магистралям страны уходили на запад.

Наши танкисты, пехотинцы, артиллеристы, связисты нагнали их, чтобы освободить путь, сбрасывали в кюветы на обочинах шоссе их повозки с мебелью, саквояжами, чемоданами, лошадьми, оттеснили в сторону стариков и детей и, позабыв о долге и чести и об отступающих без боя немецких подразделениях, тысячами набросились на женщин и девочек.

Женщины, матери и их дочери, лежат справа и слева вдоль шоссе, и перед каждой стоит гогочущая армада мужиков со спущенными штанами.

Обливающихся кровью и теряющих сознание оттаскивают в сторону, бросающихся на помощь им детей расстреливают. Гогот, рычание, смех, крики и стоны. А их командиры, их майоры и полковники стоят на шоссе, кто посмеивается, а кто и дирижирует – нет, скорее, регулирует. Это чтобы все их солдаты без исключения по-

участвовали. Нет, не круговая порука, и вовсе не месть проклятым оккупантам – этот адский смертельный групповой секс.

Вседозволенность, безнаказанность, обезличенность и жестокая логика обезумевшей толпы. Потрясенный, я сидел в кабине полуторки, шофер мой Демидов стоял в очереди, а мне мерещился Карфаген Флобера, и я понимал, что война далеко не все спишет. А полковник, тот, что только что дирижировал, не выдерживает и сам занимает очередь, а майор отстреливает свидетелей, бьющихся в истерике детей и стариков» («Война все спишет», «Знамя» № 2, 2005).

Германский историк Иоахим Гофман, автор книги [«Сталинская истребительная война 1941-45 гг.»](#), пишет:

«Вторжение Красной Армии в Восточную Пруссию, Западную Пруссию и Данциг, в Померанию, Бранденбург и Силезию всюду равным образом сопровождалось злодеяниями, подобных которым в новой военной истории еще поискать. Массовые убийства военнопленных и гражданских лиц любого возраста и пола, массовые изнасилования женщин, даже старух и детей, с отвратительными сопутствующими явлениями, многократно, подчас вплоть до смерти, умышленные поджоги домов, сел, городских кварталов и целых городов, систематическое разграбление, мародерство и уничтожение частной и общественной собственности и, наконец, массовая депортация мужчин, а также женщин и молодежи в трудовое рабство Советского Союза – обычно с отделением матерей от их детей и с разрывом семейных уз – таковы были выделяющиеся признаки события, которое вопиюще противоречило принципам упорядоченного ведения войны».

Красная армия продвигались все далее на запад, по свидетельству И. Гофмана, все более напоминая гибрид воинственной азиатской орды и шумного цыганского табора: вот проносятся танки, покрытые дорогами персидскими коврами, на которых восседают вояки с бутылками коллекционного вина; то и дело в колоннах мелькают хмельные солдаты в каких-то макинтошах и наполеоновских треуголках, с зонтиками, а вот катит старинная карета, утащенная из какого-то баронского родового имения... В марте 1945-го советские «освободители» вышли к Одере. 1 марта Йозеф Геббельс записывал в своем личном дневнике: «К нам поступают теперь бесчисленные сведения о большевистских зверствах. Они настолько ужасны в своей правдивости, что дальше ехать некуда...». На следующий день, 2 марта, он продолжает: «Конец требует от командиров принятия строжайших мер против разложения войск. Он указывает также, что поджоги и грабежи могут производиться только по приказу. Характеристика, которую он дает этим фактам, чрезвычайно интересна. Из нее видно, что в лице советских солдат мы имеем дело со степными подонками. Это подтверждают поступившие к нам из восточных областей сведения о зверствах. Они действительно внушают ужас. Их невозможно даже воспроизвести в отдельности. Прежде всего, следует упомянуть об ужасных документах, поступивших из Верхней Силезии. В отдельных деревнях и городах бесчисленным изнасилованиям подверглись все женщины от 10 до 70 лет. Кажется, это делается по приказу сверху, так как в поведении советской солдатни можно усмотреть явную систему» (И. Геббельс, «Последние записи», М., 1998).

«Ударная группа Власовской армии во главе с полковником РОА Сахаровым 9 февраля 1945 г. при поддержке немцев вновь заняла расположенные в излучине Одера населенные пункты Нойлевин и Керстенбрух. Согласно немецкому докладу от 15 марта 1945 г., население обоих пунктов *«подвергалось самым жутким надругательствам»*. В Нойлевине были найдены застреленными бургомистр, а также находившийся в отпуске военнослужащий вермахта. В одном сарае лежали трупы трех оскверненных и убитых женщин, у двух из которых были связаны ноги. Одна немецкая женщина лежала застреленной у дверей своего дома. Пожилая супружеская пара была задушена. В Нойбарниме были найдены мертвыми 19 жителей. Тело хозяйки гостиницы было изувечено, ноги связаны проволокой. Здесь, как и в других населенных пунктах, осквернялись женщины и девушки, а в Керстенбрухе – даже 71-летняя старуха с ампутированными ногами. Картину насильственных преступлений советских войск в этих селах излучины Одера, как и повсюду, дополняют грабежи и умышленные разрушения...» ([Марк Солонин, «Весна победы. Забытое преступление Сталина»](#)).

А в это же самое время, 14 марта 1945 года, Эренбург, этот монстр лживой советской пропаганды, нагло заявлял в своей очередной статье: «Наша ненависть – высокое чувство, оно требует суда, а не расправы, кары, а не насилия. Воин Красной Армии – рыцарь. Он освобождает украинских девушек и французских пленных. Он освобождает поляков и сербов. Он убивает солдат Гитлера, но он не глумится над немецкими старухами. Он не палач и не насильник. На немецкой земле мы остались советскими людьми. Мы видим немок, еще вчера издевавшихся над нашими девушками. Эти немки испуганы, угодливы, блудливы. Мы говорим: пусть работают в поте лица своего. Пусть те из них, кто повинен в злодеяниях, ответят перед судом. Но советский воин не тронет женщины. Но советский воин не станет издеваться над немкой или любезничать с нею: он выше ее, он ее презирает за то, что она была женой палача, за то, что воспитала изувера. Молча пройдет мимо немецкой женщины советский воин: он пришел в Германию не за добычей, не за барахлом, не за наложницами, он пришел в Германию за справедливостью. Он пришел не для того, чтобы разглядывать глупую и жадную куклу, а для того, чтобы укротить Германию».

В 2002 году вышла книга авторитетного английского историка Энтони Бивора [«Падение Берлина.1945»](#). В этой книге Э. Бивор доказывает, что в одном лишь Берлине жертвами насилия, нередко многократного, со стороны советских солдат стали до 130 тысяч немецких женщин и девочек. Около 10 тысяч женщин впоследствии умерли, зачастую покончив с собой. Многие были убиты на месте насильниками. Всем немкам в возрасте от 8 до 80 лет было просто противопоказано появляться на берлинских улицах. Всего же за время «освобождения» Германии советские солдаты, по оценке Э. Бивора, изнасиловали около 2 миллионов немецких женщин – от девочек до старух.

Рецензируя книгу Э. Бивора, газета [«The Daily Telegraph» от 24 января 2002 г.](#) приводит следующие данные: «Когда югославский коммунист Милован Джилас (Milovan Djilas) заявил протест Сталину, диктатор взорвался: «Как так, Вы не можете понять солдата, который прошагал тысячи километров через кровь, огонь и смерть и хочет развлечься с женщиной или взять себе какую-нибудь безделушку?». А когда немецкие коммунисты предостерегли его, что изнасилования отвращают от них население, Сталин вспылил: «Я никому не позволю втоптывать в грязь репутацию Красной Армии!»».

Энтони Бивор показывает, что советские солдаты нещадно насиловали не только немок, но русских женщин, освобожденных из «фашистского рабства». Что уж говорить о прочих славянках? Лев Копелев вспоминает, как еле спас от оравы пьяных танкистов девушку-польку, вопившую: «Иезус Мария, я полька!»; впрочем, на доблестных совков это не оказывало ни малейшего воздействия, их остановил лишь наведенный пистолет (а мог бы и не остановить!). Да что там польки: вспомним осень 44-го, «освобождение» Югославии. Сербы очень скоро пришли в ужас от дикого поведения нахлынувших с востока «братушек». Не в Восточной Пруссии, задолго до Берлина, в «братской» славянской стране – изнасилования, грабежи, короче, весь джентльменский набор красной военщины. Кстати, знакомая белоэмигрантка, проживавшая тогда в Белграде, рассказывала, что совки зверски, скопом изнасиловали ее подругу, русскую.

Массовые военные преступления красных продолжались и после капитуляции Германии. В мае 1945 года знаменитый германский летчик-ас Эрих Хартманн в составе колонны пленных и гражданских беженцев был передан американцами совку. [Ему пришлось стать бессильным очевидцем чудовищного «пира победителей».](#)

«Проехав несколько миль, колонна остановилась. Эриху и его товарищам приказали спуститься на землю. И тут в поле их окружили русские солдаты. Полные дурных предчувствий немцы начали выбираться из грузовиков. Русские немедленно начали отделять женщин от мужчин.

Прежде чем американцы уехали, они получили представление о том, на какую участь они невольно обрекли немецких женщин и детей, единственным преступлением которых было то, что они родились в Германии. Американцы обнаружили, что их союзники способны превзойти все мыслимые и немыслимые пределы человеческой жестокости. Молодые парни из Алабамы и Миннесоты воочию увидели Медведя в действии.

Полупьяные солдаты Красной Армии, увешанные винтовками и пулеметами, построили безоружных немцев в шеренги. Другие русские начали валить на землю женщин и девочек, срывать с них одежду и принялись насиловать свои жертвы прямо перед строем остальных русских. Немцы могли лишь молча сжимать кулаки. Американские солдаты из своих грузовиков смотрели на все это широко открытыми глазами.

Казалось, их просто парализовало это зрелище. Когда две молодые немецкие девушки, раздетые догола, с криком бросились к грузовикам и в отчаянии начали ка-

рабкаться туда, американские часовые оказались достаточно сообразительными, чтобы втащить их наверх. Русским такое благородство совсем не понравилось. Стреляя в воздух и дико крича, русские бросились к американским грузовикам. Американские солдаты поспешно взяли оружие на изготовку, и грузовики помчались по дороге. Когда исчезло последнее препятствие, русские набросились на немецких женщин.

Молодая немецкая женщина, чуть за тридцать, мать 12-летней девочки, стояла на коленях у ног русского капрала и молила бога, чтобы советские солдаты взяли ее, а не девочку. Но ее молитвы остались без ответа. Слезы текли по щекам, когда она посылала молитвы к небу. Немецкие мужчины стояли, окруженные пулеметными стволами.

Русский капрал отошел от женщины, его лицо исказила глумливая усмешка. Один из солдат изо всех сил ударил женщину сапогом в лицо. «Проклятая фашистская свинья!» – заорал он. Молодая мать упала на спину. Солдат, который ее ударил, выстрелом в голову из винтовки убил ее.

Русские хватали всех немецких женщин, которых видели. Маленькую дочь убитой женщины потащил за танк убийца ее матери. К нему присоединились другие русские. Полчаса раздавались дикие крики и стоны. Потом совершенно голая девочка, не способная держаться на ногах, выползла назад. Она скорчилась и замерла.

Однако в той общей картине зверств, которую сейчас представлял луг, страдания этой девочки не были чем-то особенным. Беспомощные немцы убеждали русских часовых позволить им помочь девочке. Взяв винтовки наперевес, русские позволили германскому медику подойти к девочке. Через час она умерла, и ее последние всхлипывания огнем жгли сердца Эриха и его солдат.

8- и 9-летних девочек раз за разом безжалостно насилвала озверевшая русская солдатня. Они не выказывали никаких других чувств, кроме ненависти и похоти. Пока все изверги удовлетворяли себя среди диких криков и плача женщин, Эрих и его солдаты сидели под дулами пулеметов.

Забрызганные кровью русские, удовлетворив вожделение, сменяли товарищей за пулеметами, принимая охрану над германскими солдатами. Матери пытались защитить своих дочерей, но их избивали до потери сознания и оттаскивали в сторону, а потом насилывали в таком состоянии. Закаленных в боях пилоты, прошедшие сотни боев и получившие множество ран, просто отшвыривали в сторону. Пораженный в самое сердце тем, что увидел, Эрих нечеловеческим усилием воли подавил приступ рвоты.

Подобная оргия просто не могли тянуться долго. Похоть была насыщена, и начали появляться первые признаки жалости. Иногда ухмыляясь, иногда безразлично, иногда чуть удрученно, русские солдаты вернули женщин и девочек, над которыми кончили издеваться. Тех, кого утащили прочь от грузовиков, больше никто не видел. Остальные падали без чувств на руки потрясенных отцов и мужей. Они полной мерой хлебнули унижения и страдания, но все это еще не закончилось.

Немцы были согнаны в импровизированный лагерь на лугу. Им было позволено пройти к озеру, чтобы умыться и постирать одежду. Потом вокруг луга было выстроено кольцо из 30 танков, чтобы организовать охрану на ночь. Русские солдаты снова и снова возвращались к немцам, утаскивая женщин и девочек, которым не могло помочь присутствие мужей и отцов. Насилие продолжалось всю ночь, прекратившись только перед самым рассветом. Женщин притащили назад, как сломанные куклы, когда русские натешились. Солдатам JG-52 (эскадрилья, в которой служил Э. Харт-

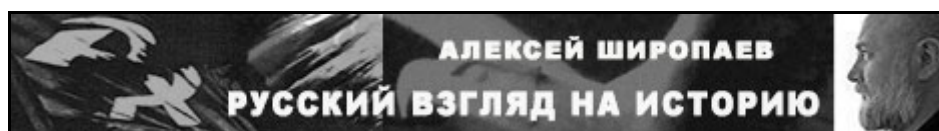
манн – А.Ш.) этой ночью пришлось сделать трудный выбор, и многие из них его сделали.

Когда первые лучи солнца упали на окруженный танками луг, множество немцев не поднялось. Те, кто проснулся, обнаружили, что находятся в ужасном царстве смерти, которая каленым железом запечатлелась в их памяти навсегда. Когда Эрих проснулся, то увидел унтер-офицера с женой и дочерью, лежащих рядом. Сержант тихо перерезал жене вены на руках самодельным кинжалом. Потом он так же убил свою 11-летнюю дочь, после чего перерезал вены и самому себе. Жизнь медленно уходила из них, пока Эрих спал невдалеке.

Другие мужчины задушили своих жен и дочерей, после чего сами повесились на бортах грузовиков. Они предпочли смерть долгому и мучительному умиранию. Эрих начал спокойно разговаривать сам с собой, чтобы преодолеть страшное воздействие кровавых сцен на сознание. «Ты должен жить, Эрих, что бы не случилось. Ты ДОЛЖЕН выжить, чтобы рассказать другим о том, во что сам не можешь поверить сейчас, когда смотришь на все это. Ты никогда не сможешь забыть, что способны натворить люди, опустившиеся ниже всяких животных» (Р.Ф. Толивер, Т. Дж. Констебль, «Эрих Хартманн: белокурый рыцарь Рейха», Екатеринбург, 1998).

По словам известного журналиста Дэниела Джонсона, «немецкие женщины военного поколения все еще называют военный мемориал Красной Армии в Берлине «Могилей Неизвестного Насильника»». Что же касается пафосного монумента «воина-освободителя» с немецкой девочкой на руках, то, как подметил историк Марк Солонин, «немецкая девочка могла оказаться в руках советского солдата в другой ситуации и с другими для девочки последствиями» ...

Апрель-май 2009 г.

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода.](#)